

ПРОЭТОГР АДД

жарогная литературная газета

№ 30 (81)

Август

2013

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ ПОЭТОГРАДА

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА
НАПИСАТЬ ИЛИ СОЗДАТЬ?

МИСТИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

На вопрос «что такое поэзия?» мне частенько доводилось слышать, что поэзия – это, в первую очередь, язык. То есть, главным элементом в поэтическом (да и в любом другом литературном произведении) является слово.

И всегда у меня возникал некий внутренний протест, некоторое сопротивление данному утверждению.

С одной стороны, оно, конечно, так... Сказать вроде бы нечего... Да, меньше, чем на слова разложить стихотворение нельзя. Ну, если только на слоги, буквы, звуки, в конце концов. Но тогда все произведение превратится в бессмысленный набор букв, звуков, слогов, потеряет всякий смысл. Значит ли это, что первоэлементом литературы остается язык, а первоэлементом языка слово?

Но все равно я не готова согласиться с таким утверждением, потому что что-то мне подсказывает, что оно не совсем верное. Мне думается, что это слишком простой, и я бы даже сказала, примитивный подход, говорить, что поэзия, – это, в первую очередь, язык. Язык – это одно из видимых, но вовсе не главных ее проявлений. Но именно язык поставили во главу угла, поскольку не знали, что еще поставить, потому что, то, что реально надо было бы поставить, имело очень зыбкую природу и плохо поддавалась определению. И поэтому остановились в своих утверждениях на языке и вывели такой постулат, что чем совершеннее, ярче, богаче язык произведения, тем оно лучше, тем оно художественнее.

Язык, таким образом, стали совершенствовать, обогащать словами, изыскивать малоупотребительные, придумывать новые. Стали строго следить за рифмой, чтобы она была не только не избитой, а и небанальной, и сверхточной к тому ж. Повторы тоже были изжиты. И много чего постарались укрепить, усовершенствовать, сделать по-новому, привести в соответствие.

Только толку от этого оказалось чуть. И рифмы были свежи, и повторов не было, и язык стал богатым, а ничего не получалось. Не было самого главного в этих сделанных стихах – поэзии, то, ради чего весь этот сыр-бор и затевался.

И самым обидным порой было то, что какой-нибудь дилетант, самодеятельный поэт без соблюдения всяких правил, традиций и прочее, мог ни с того ни с сего написать такое, от чего порой впадали в зависть профессионалы. И непонятно было, как у него такое могло получиться? Вот так и получилось, потому что он не мудрил и глупостями не занимался, а просто взял и написал, о чем плакала душа, о чем щемило сердце, не думая ни о каких правилах и руководствуясь только своим вдохновением. Так и надо. Потому что правила эти в корне неверные, и если руководствоваться ими, то никогда ничего путного не напишешь.

И в первую очередь, неверным является то утверждение, что первоэлементом литературы является язык.

Ведь если бы это было правдой, то тогда бы самыми лучшими поэтами, писателями становились те, кто знает язык лучше всех: ученые-филологи, языковеды всех мастей. Но, как показывает практика, это далеко не так. Знание языка вовсе не дает никаких преимуществ в создании литературных произведений. Как раз наоборот, пишущие филологи, авторы с филологическим образованием являются порой довольно слабыми в творческом отношении.

Так в чем же дело? А дело в том, что главным в литературе является вовсе не язык. Главным в литературе, в поэзии является талант. Вот его и надо ставить во главу угла, а не какой ни язык. Именно с помощью таланта и создаются настоящие литературные произведения, в том числе и стихи.

Поэтому стоит перевести разговор о том, что такое поэзия в несколько иное русло. Поэзия – это явление, скорее из области непознанного, ирреального, мистического, магического, и заниматься ее реальным изучением, исследованием должны не какие-то языковеды, не филологи, литературоведы и прочее, а скорее уж маги, экстрасенсы, эзотерики всех мастей. Лишь в таком случае мы получим правильное понимание предмета. А к филологической науке поэзия имеет весьма условное отношение.

Вот с этих позиций и нужно говорить о том, что такое талант. Талант – это возможность выхода в тонкие миры и умение работать с различными тонкими энергиями высших планов. Другими словами, у настоящего поэта должен быть «канал» для выхода в астрал, так сказать, в иную реальность, и помимо всего прочего, умение работать в этой реальности.

А что такое этот самый «канал»? – могут спросить некоторые непосвященные. Это нарушение целостности ауры, какой-то пробой, какая-то дыра, через которую можно как через трубу либо подсмотреть тот свет, либо даже совершить в него несанкционированный выход.

В принципе, для человека ничего хорошего, в том, что его аура повреждена, нет. Это как дырка в доме: через нее можно будет не только на звезды ночью любоваться, но также через нее в дом будет попадать дождь, снег, холод и даже разные, не очень приятные личности.

Дыры в ауре имеют сумасшедшие, это такой наглядный пример. Еще порченые, сглаженные и прочие, побитые судьбой личности. Также дыру можно обрести в результате какой-либо аварии, катастрофы. Еще она может быть следствием родовой травмы или родового проклятия. Собственно, ничего хорошего в том, что имеется канал, нет. Он представляет реальную угрозу для жизни нормального человека, но для настоящего поэта, писателя он является необходимым условием для работы. Это как первый признак таланта. Если выхода в астрал нет, то говорить о дальнейшем просто не имеет смысла. Это как доступ в творческую мастерскую, его нужно для начала иметь.

Но люди, имеющие доступ, как правило, непригодны для нормальной жизни, они живут одновременно в двух мирах и ничего толком в реальном мире делать не могут. Они становятся, как правило, неудачниками, изгоями. Вряд ли они способны хорошо работать, иметь семью, вести какие-то серьезные дела, налаживать отношения с людьми, социализироваться в обществе. Их сразу видно, они не от мира сего.

Но наличие доступа – это всего лишь необходимое, но недостаточное условие. Ведь сумасшедшие тоже имеют этот доступ, но это вовсе не означает, что они непременно талантливы, хотя это и не исключается. Там надо уметь и работать, а не просто быть, вот ведь в чем дело. А работа в астрале, создание там, в частности, литературных произведений – это необычайно сложная задача. И при работе с этими тонкими энергиями правильнее было бы употреблять слово не «написать», а «создать». Именно создать. Потому что создание настоящего произведения подобно, например, постройке дома, здания. И в астрале нужно создать, например, «здание стихотворения». Нужно заложить фундамент, поставить стены, сделать окна, двери, разбить дом на комнаты, сделать крышу, а затем покрасить, побелить, положить плитку, паркет и т. д. И от того, каким будет этот дом, будет зависеть его воздействие на других людей. Ведь все реально созданные произведения – это никакая не игра воображения, они действительно существуют в тонких мирах как некие, вполне оформленные объекты, и они видимы в астрале другим людям. Они видят их своими, так сказать, духовными глазами, которые находятся в их тонких телах. Видят и соответствующим образом на эти вещи реагируют. Реагируют на созданные в астрале объекты, а вовсе не на слова, за которыми эти объекты прячутся, которыми они выводятся отчасти в реальный мир. Облечение созданного произведения во Слово – это как облечение в одежду. Но было бы что облачать. Язык делает видимым в этом мире созданный в астрале объект, вот в чем его задача. И не более того. Задача в некотором роде служебная, несамостоятельная. Это как некая подсветка здания в темноте. Если здания ночью не видно, это же не значит, что его нет. Ведь этот астральный творческий объект может быть проявлен в итоге вовсе и не в слове, а, например, в музыке, либо в живописи, либо в скульптуре, либо в архитектуре, либо в танце. Да мало ли в чем еще! Он может и вовсе остаться в этом мире непроявленным и быть чисто астральным объектом, его могут наблюдать вовсе и не люди, а какие-либо духи и сущности.

Работа с языком важна на стадии отделки уже созданного объекта. Конечно, и этот этап работы важен, но не нужно делать его более важным, чем он того заслуживает. Ведь для того, чтобы заниматься этой самой отделкой, надо создать для начала этот самый творческий объект там, в астрале. А это необычайно сложная и порой совершенно невыполнимая для многих бесталанных людей задача. Поэтому не сумев ничего создать, они пытаются, так сказать, написать, то есть, заняться отделкой того, чего нет. Они пишут тексты, за которыми нет созданных в астрале объектов. А чтобы обман так сразу не раскрылся, напускают туману в виде разнообразных словес, делают тексты чересчур техничными, правильными, чрезмерно усложненными для понимания.

Настоящему художнику, создателю, нет нужды так уж чрезмерно заботиться о внешней отделке созданных им творений. Он может быть в некоторых случаях небрежен в своей работе, даже порой чересчур банален, прост. Ну, представьте себе, например, игрушечного и живого щенка. Игрушечный чересчур правилен, точен. Он должен быть похож на свою копию, на живого щенка, иначе как определить, что это именно щенок, а не что-нибудь еще. А живой щенок порой несуразен: одна лапа у него короче, другая длиннее, одно ухо в одну сторону торчит, другое в другую, да шерсть свалялась и немного грязновата. Если сравнивать его только по внешним параметрам с механическим щенком, то он, пожалуй, проиграет. У него есть только одно преимущество: то, что он живой, настоящий, а тот нет. И это главное.

А на самом деле этот живой щенок при более детальном рассмотрении не такой уж простой, как может сначала

показаться. Если начать его, так сказать, исследовать под микроскопом, то обнаружишь такую сложнейшую структуру, какая и не снилось создателям игрушечного щенка. Это принципиально иной уровень работы.

То же самое можно сказать и о работе настоящего поэта. Простенькие на первый взгляд стихи могут оказаться в самом деле сложнейшей работой в астральной плоскости, которую не может сделать автор, не умеющий работать с тонкими энергиями. Он даже не имеет доступа на тот уровень, на котором произведена эта работа.

Конечно, хороший мастер постарается и работу с языком провести на должном уровне, как-то привести свое творение в соответствие требуемым литературным нормам. Хотя, может быть, соблюдение этих норм важно не для самих создаваемых вещей, а для их создателей, чтобы потом им не тыкали пальцем в онех. Но хороший мастер, опять же, технику не будет ставить во главу угла, он не будет выпячивать свой профессионализм, так, чтобы он шарахал по мозгам и привлекал к себе повышенное внимание. Это будет мешать восприятию самой вещи, также как и чрезмерная небрежность. В идеале должно быть так, чтобы восхищались не мастером и его искусством, а самими творением, а о мастере вовсе, может быть, и забыли. Имя автора должно быть без надобности. Нужно, чтобы возникло ощущение, что произведение возникло само по себе, родилось из ниоткуда, что его никто не создавал, не творил, вот тогда это истинное творение. И если при снятии фамилии именитого автора вещь может существовать и сама по себе, лишившись авторской поддержки, значит, она сделана хорошо, значит, за ее земной словесной оболочкой стоит очень мощный астральный объект.

Поэтому именно созиданием занимается настоящий поэт, когда, так сказать, «пишет» стихо-творение. А процесс созидания требует огромного количества энергии, и энергия эта в первую очередь берется из ауры автора. Из себя самого настоящий поэт творит свои творения, переводит себя в стихи. Поэтому сами поэты порой так быстро кончатся, потому что от их астральной сущности почти ничего не остается. Поэты становятся стихами. Но, наверное, так им удобнее быть.

Поэтому язык в поэзии – это все-таки дело второстепенное. Слова просты, обыденны, мы ими пользуемся ежедневно, ежечасно, и ничего не происходит, пока к делу не подключится настоящий поэт, который является одновременно и магом, волшебником. Нужна магия преобразования, а преобразование это возможно только с помощью магической палочки его таланта.

январь 2013 г.

